

№ 116 (вероятно, нач. XIII в.) [3]. Запись сделана на стенке берестяного тусеса. Издатели прочли ее как **лѣшеван**. Но при этом осталась неопознанной еще одна буква перед этим словом: ѿ. В действительности это два слова, из которых второе осталось недописанным: *Ѿлѣшева н*. Это владельческая запись человека по имени *Ѿлѣшь*, а сам предмет назывался каким-то словом женского рода, начинающимся на *н* (впрочем, нельзя исключать, что на *н* начиналось и что-то иное, например, ‘не трогать’). Документ принадлежит к тому же ряду владельческих записей на частях берестяного тусеса, что *Ѿедокино лоужкошеко* в № 599, *Воубоуѣдино лоужньчо* в № 957 и *(Данилово л...* в № 1056.

Имя *Ѿлѣшь* — одно из гипокористических от *Олуферш*; см. о таких именах выше, в комментариях к грамоте № 959.

№ 122 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.; Д 1) [3]. Для *позъвале* ‘вызвал на суд’ ср. ниже комментарий к грамоте № 416.

№ 123 (3 четв. XI в.; А 25) [Г]. Последовательность ...[-*непсь*[ъ], которой текст грамоты должен был заканчиваться, до последнего времени не находила объяснения. Вероятное решение было подсказано находкой грамоты № 957, представляющей собой надпись на крышке берестяного лукошка и заканчивающейся упоминанием имени писавшего: *А Шьвько шль*. Можно думать, что аналогичную концовку имела и грамота № 123: на *-не* в таком случае заканчивалось имя писца (типа *Иване*, *Жьдане*), тогда как *псь* было использовано как сокращение для *псьаль*. Такое же сокращение данной словоформы демонстрирует надпись № 189 в новгородском Софийском соборе (сохранившаяся, правда, только в прорисовке [Медынцева 1978: 275]).

№ 129 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Д 1) [Г]. Слово *пуху*, прочитанное в седьмой строке первого отрывка грамоты В. Э. Орлом и Р. Торпусман (1995: 273), было истолковано ими как название «еще одного товара, который Есиф обещает Фоме». Между тем «пух» в данном контексте, несомненно, следует понимать как мех для оторочки упомянутых овечьих шуб, ср. примеры из Слов. XI–XVII (21: 69): *а шюбы бораньи носити безъ пуху; исподъ* (к шубе) *подложень бѣлей хрептовой новой, на ожерелье и на пухъ вышло три бобра*. Это делает неприемлемой предлагаемую исследователями конъектуру, призванную соединить первый отрывок со вторым: «по шубѣ сошьемъ, а пуху (тобѣ присъ)лемъ» (Орел, Торпусман 1995: 273). С другой стороны, как видно на новом снимке документа, исход глагольной словоформы не может быть транскрибирован ни как *-лемъ*, ни как *-[ь]ѣмъ* (согласно транскрипции в ДНД₂). Приведем фотографию этого фрагмента.

Трактовка вертикального штриха слева от *е* как мачты *к* делает необъяснимым предшествующий ему левонаклонный штрих, которому, в свою очередь, предшествует уверенно читаемое *у*. Единственной непротиворечивой интерпретацией для этих двух штрихов оказывается трактовка их как ножек высокого *д* (для которого на снимке сразу же отыскивается и подходящая горизонталь). Глагольная словоформа, таким образом, заканчивалась на *-удемъ*.

Имея в виду первый из приведенных выше примеров, в котором упоминаются бараньи шубы «без пуха», можно было бы предложить конъектуру *А пуху* (*дѣлать не бѣудемъ*). От нее, однако, следует отказаться по хронологическим соображениям: употребление *будемъ* с инфинитивом в документе начала XV в. почти на столетие опережало бы первые достоверные примеры данной конструкции в великорусских текстах. Во всех отношениях удовлетворительное решение мы получаем, между тем, предположив, что в грамоте был употреблен не глагол *быти*, но приставочное образование от него: *А пуху* (*здѣсе добѣудемъ*). Это решение вполне отвечает и прагматике грамоты: находящегося в Новгороде Фому Есиф просит прислать обработанные овечьи шкуры, чтобы сшить из них себе и брату по шубе. Мех же для оторочки этих шуб он рассчитывает добыть там, где сам в настоящее время находится, —